Здравствуй, груздь!

Автор:
Екатерина Вильмонт

Здравствуй, груздь!

Екатерина Николаевна Вильмонт

Ах, насмешница-судьба! Как любит она порой расставлять ловушки!..

Он – известный писатель, одинокий волк. Его жизнь – сплошная круговерть из рукописей и презентаций вышедших книг, поездок на книжные ярмарки и ставших со временем скучными встреч. Он тоскует о настоящем и искреннем – возможно, о любви. И услужливая фортуна подкидывает ему загадку – незатейливую сережку на гостиничной лестнице. А уж писательская фантазия создает ее хозяйку – ту единственную, которая непременно должна войти в его жизнь. И надо же такому случиться – придуманная мечта неожиданно становится явью…

Екатерина Вильмонт

Здравствуй, груздь!

Черт побери, до чего же мерзкая погода! А кто-то уверял, что начало октября в Европе чуть ли не лучшее время. Мелкий холодный дождь, и ветер пробирает до костей. А я, идиот, поверил. Завтра же куплю теплую куртку, знать бы еще, где ее купить… Сволочи, пригласили на ярмарку – и запихнули в эту дыру! И никто меня теперь не убедит, что Висбаден не дыра! Знаменитый курорт, чтоб ему пропасть! А завтра с утра надо тащиться на вокзал и сесть на нужный поезд, тоже задача не из легких, особенно когда по-немецки ни в зуб ногой. И совершенно никому нет до меня дела. А почему, собственно, кому-то должно быть до меня дело? Что я за персона такая? Писатель? Ну и что? Писателей тут

как собак нерезаных, вон одно наше издательство привезло сюда человек тридцать, если не больше, и все считаются писателями. Какие-то неведомые люди. Впрочем, для них и я, наверное, неведомый. Даже наверняка! Так что все правильно, Федор Васильевич, все правильно. А Висбаден все равно дыра, и гостиница… Даже поужинать нельзя, видите ли, у них только завтраки… Воображаю эти завтраки! И телефона в номере нет, и вообще он больше похож на келью, хорошо, хоть сортир и душ имеются. Тоска смертная. Нормальный человек, наверное, пошел бы в казино, разыскал бы хороший ресторан, не может же быть, что тут нет хороших ресторанов. Я почему-то сразу невзлюбил этот город и не хочу ничего искать, я бы и сам не поверил, что в первый вечер в Висбадене буду ужинать в каком-то занюханном кебаб-хаузе… Впрочем, надо признать, эта турецкая шамовка довольно вкусная, но все равно противно и наверняка заболит печень. А завтра еще предстоит какое-то мероприятие, где главным действующим лицом буду я. И в издательстве никто не объяснил, что именно это будет. Интервью? Выступление? На мой вопрос директор издательства рассмеялся и ответил беспечно: «Не волнуйтесь, Федор Васильевич, ну зададут вам пару вопросов, вот и все. Гуляйте себе, получайте удовольствие!» Легко сказать! Я ведь тут первый раз… Вот перед Лейпцигской ярмаркой мне все четко и заранее объяснили: такого-то числа – круглый стол, такого-то – вечер в кафе и надо прочитать по-русски отрывок из романа, потом переводчик прочтет тот же отрывок по-немецки, а потом будут вопросы посетителей кафе. Я думал, ни одна собака не задаст мне вопроса, но, как ни странно, вопросов было немало. Приятно, что ни говори; там вообще было приятно, в Лейпциге. Отлично все организовано, прекрасная гостиница в центре города, а тут… Никто не встречал, никто даже не предупредил, что жить я буду в Висбадене… До сих пор противно вспомнить, как страшновато было ехать по темному шоссе неведомо куда… Перетрухали, Федор Васильевич, признайтесь? Стареете, голубчик, дорожите своим комфортом, разбаловались, разнежились… Занимался бы этими гостиничными проблемами мужик, я бы с ним поговорил по-своему, а тут девица… красивая, надо заметить, и у нее таких, как я – тридцать пять человек… Хотя предупредить, что эта чертова гостиница находится не во Франкфурте, она могла бы… Но бог с ней, пусть живет. Интересно, она с кем-то из приехавших живет? Эффектная, сексуальная. Может, приударить за ней? Да ну, не хочу я ни за кем приударять. Надоело. И вообще, надо пойти и лечь спать. Утро вечера мудренее. Может, завтра и Висбаден не покажется такой уж дырой… Тут вроде бы и Тургенев бывал, и Достоевский. А вот теперь и вы, Федор Васильевич, сподобились.

Он открыл выданным ему ключом дверь маленькой провинциальной гостиницы. Вероятно, подразумевалось, что это семейный отель, но его все безумно здесь

раздражало. Он стал подниматься к себе на четвертый этаж. Он был в неплохой физической форме, и ему не составляло труда подняться наверх, но он помнил, как в момент его водворения здесь приехала весьма упитанная, немолодая дама с огромным, неподъемным чемоданом и ее, разумеется, поселили на последний этаж, а в гостинице ни лифта, ни боя, и он просто не мог оставить даму в беде… Она так его благодарила… Тоже писательница, как выяснилось, пишет дамские романы. Интересно, чем они думали, запихивая ее на верхний этаж?

Свет на лестнице был неяркий, но он вдруг увидел, как на ступеньке что-то блеснуло. Пригляделся. Какое-то дамское украшение. Сережка, что ли? Да, сережка. Полукруг с меленькими темно-красными камушками и штырьком на изнанке. Гранаты, сразу определил он. Надо бы отдать портье, но там, похоже, уже никого нет, во всяком случае, когда он проходил мимо двери, ведущей в маленький зал, где была стойка портье и где утром подают завтраки, свет уже не горел. Ничего, утром отдам. Должно быть, владелица гранатов обрадуется. Интересно, какая она? Странно, раздражения и злости как не бывало. Черт побери, а это неплохой сюжетный ход, наверняка старый как мир, но… Герой гадает по найденному украшению, какая она, женщина, потерявшая его? Молодая? Вероятно. Красивая? Неизвестно. Наверняка небогатая, украшение скромное, в серебре, но изящное, хорошего вкуса. Гранаты… Его мать обожала купринский «Гранатовый браслет», а ему эта вещь всегда представлялась пошлостью… Вероятно, она невысокая кареглазая блондинка, с хорошей фигурой, но с пышными формами, веселая и привлекательная. Но раз в воображении возник именно такой образ, то, скорее всего, она длинная, тощая брюнетка. А может, рыжая, среднего роста, лет двадцати трех, почему-то возраст определялся только у рыжей… И зовут ее… Впрочем, какая разница, как ее зовут. В любом случае найденная сережка – отличный повод для знакомства. А что, если сережку потеряла та полная дамская писательница? Она милая, с хорошим чувством юмора, но для романа безнадежно стара… Нет, у нее в ушах были серьги с бирюзой, сейчас он отчетливо это вспомнил. Вот и хорошо. У Светланы, той красотки, которая в издательстве ведала расселением, в ушах были длинные цыганские серьги, – значит, не она. Что ж, тем лучше, тем интереснее. А может, пусть Андрей – он имел в виду героя своей новой повести – тоже найдет серьгу… Это очень кстати… Ему вдруг безумно захотелось домой, в свою маленькую квартиру, к компьютеру… Он не любил тусовку, а тут предстояла, как он понял, именно мощная тусовка, как в анекдоте… К черту, буду лучше думать о незнакомке. И он уснул.

Когда утром он спустился к завтраку, никого из издательских там уже не было. Он без всякого удовольствия позавтракал, но тут же вспомнил чеховскую

Мерчуткину: «Нынче кофей пила без всякого удовольствия!» – и рассмеялся. Поднявшись к себе, позвонил по мобильнику приятелю, живущему ныне в Дюссельдорфе:

– Привет, Владя! Звоню, как обещал.

– Ну как, где ты устроился?

– Меня запихали в Висбаден.

– Висбаден? Тебе повезло, чудесный городок!

– Ну пока я ничего чудесного не обнаружил. Но дело не в этом. Ты ко мне собираешься?

– У тебя во сколько выступление?

– Я даже не знаю, выступление ли это будет, но назначено на час дня.

– Черт, тогда надо выезжать немедленно… У тебя есть для меня билет?

– Конечно, я попросил в издательстве, мне без звука дали.

– Хорошо. Тогда давай в четверть первого на главном вокзале.

– Погоди, я ж ничего тут не знаю!

– Ах ну да! Значит, слушай. Ты сядешь на поезд, доедешь до главного вокзала во Франкфурте, называется Хауптбанхоф, найдешь там главный выход и будешь меня ждать. Выезжай пораньше, чтобы не заблудиться. Если я задержусь, не волнуйся, я могу не сразу припарковаться.

– Слушай, а четверть первого не поздно, мне ж надо все-таки прийти хоть за пять минут…

– Там три минуты езды на метро. На машине просто нет смысла. Все, я выезжаю.

А он-то, дурак, надеялся, что Владя заедет за ним сюда, но, видимо, ему не по дороге. Как отвратительно чувствовать себя немым идиотом. Надо, наверное, заняться языками. Школьный английский – это ничто. Мог бы, между прочим, и раньше об этом подумать, но… Всякий раз, оказываясь за границей, он решал, что в Москве пойдет на курсы погружения, чтобы иметь возможность хотя бы минимального общения, но все что-то мешало – то работа, то лень… А впрочем, шут с ним, не пропадет же он в Висбадене. Вчера, подъезжая к гостинице на такси, он заметил вокзал и быстро сориентировался. Гостиница была в пяти минутах ходьбы. Действительно, он безошибочно вышел к вокзалу. В тайге и в тундре не заблудился, так не заблудится и во Франкфурте!

Билетной кассы он, однако, не обнаружил. Зато нашел автомат по продаже билетов и принялся изучать длиннющий список станций. Нашел Франкфурт-на-Майне с разными непонятными обозначениями. Аббревиатуру HBF он расшифровал: Хауптбанхоф, главный вокзал. Уже хорошо, но как выбрать подходящий поезд? Вот 10.20, этот, вероятно, подойдет, но кроме HBF там было что-то еще, уже не поддающееся расшифровке. Но тут он увидел вчерашнюю дамскую писательницу, которая изучала такое же расписание у соседнего автомата, и растерянности он у нее не заметил.

– Простите, ради бога, здравствуйте!

– О, мой спаситель! – улыбнулась дама.

– Вы что-нибудь тут понимаете?

– Что-нибудь понимаю! Вам во Франкфурт, естественно?

– Да, но я тут запутался. У меня встреча на главном вокзале…

– И у меня тоже, – рассмеялась она. – Вот подходящий для нас поезд, десять тридцать пять.

– А в десять двадцать?

– Он дольше идет и приходит на подземный вокзал, а там мы можем запутаться.

– Вы тут уже бывали?

– Нет, но я немного знаю немецкий.

– О, значит, мне повезло!

Наконец билеты были куплены, до поезда оставалось пятнадцать минут. Он был преисполнен благодарности. Но тут же с некоторым раздражением подумал, что теперь придется всю дорогу беседовать с дамой, а о чем можно говорить с автором дамских романов? Но она вовсе не стремилась с ним беседовать, кивнула ему и пошла в магазинчик, где торговали газетами и открытками, вскоре вышла оттуда, держа в руках яркий иллюстрированный журнал, и направилась к лавочке, стоявшей на перроне.

Что это она меня игнорирует? Хотя к чему она мне? И я ей тоже зачем сдался? Я помог ей, она помогла мне – мы квиты, и до свидания. Но насколько я знаю баб, они раньше всегда на меня реагировали. Но зачем мне реакция этой? Она старше меня лет на пятнадцать. Но тогда тем более… Или я растренировался, потерял форму и даже такие грымзы на меня уже и смотреть не хотят? А может, я просто не в ее вкусе? Или она лесбиянка? А может, уже не чувствует себя женщиной? Да нет, непохоже. Одета модно, современно. Губы накрашены, глаза тоже… Значит, я ей неинтересен? Надо проверить. И тут вдруг он вспомнил про найденную сережку. Отличный предлог!

– Простите меня, – обратился он к ней.

Она оторвалась от журнала и вполне доброжелательно на него взглянула:

– Да?

– Это случайно не вы потеряли?

– Нет, – она покачала головой, – не я. А где вы это нашли?

– Вчера на лестнице в этой чертовой гостинице.

– Надо бы отдать портье.

– Да-да, я просто забыл. И вот подумал, не ваша ли…

В этот момент у дамы в сумке зазвонил мобильник. Она торопливо выхватила его:

– Алло!

И тут ее лицо осветилось такой радостью, что он понял: дама влюблена, ей звонит какой-то Сергей Иванович. Он деликатно отошел в сторонку. Вот уж воистину любви все возрасты покорны! А я и забыл, что это такое. Он задумчиво смотрел на гранатовую сережку. Она навевала мысли о любви. Грустные мысли, надо сказать. Две его любви окончились крахом. Он с юности умел четко разделять любовь и секс, любовь и увлечение, даже любовь и влюбленность. Все, что не любовь, приносило радость, удовольствие, а от любви одни только неприятности. И он не умел писать о любви. В его ярких приключенческих романах любовь была лишь символом. Ради любви его герои совершали подвиги и подлости, ради любви они боролись со злом, но самой любви в его книгах не было. Он не умел. Однако в последнее время ему хотелось написать что-то лирическое, тонкое, какую-нибудь новеллу о грустной любви, такой, какая была у него с Верой…

Вера часто ему снилась, и он просыпался тогда весь в поту и потом не мог спокойно работать. Надо о ней написать… Изжить это таким образом, во всяком случае попытаться. Конечно, это не будет их история, кому это нужно, нет, просто героиня будет носить имя Вера… И еще она тоже умрет… А герой останется… И найдет сережку… не сразу, а через много лет, а потом по этой сережке отыщет женщину, в которую влюбится… Наверное, именно влюбится, а не полюбит, и это будет счастье. Вера и вправду умерла, а я нашел сережку… Значит, и женщину найду, веселую, рыженькую, кареглазую, пухленькую, со звонким голосом, нежную, горячую… Его будут звать Сергеем, Сережкой. На этом можно неплохо сыграть. Сережка нашел сережку… Игра, конечно, не бог весть какая, но может получиться довольно мило, а то мне уже надоели мои мужественные парни, готовые в огонь и в воду. Но они принесли мне успех, и деньги, и, кажется, что-то вроде славы, во всяком случае некоторую популярность – уж точно. Разве я когда-нибудь думал, что буду давать автографы? Смешно, ей-богу! Скорей бы увидеться с Владькой, с ним никакие лирические мотивы в голову не полезут. Пойдем куда-нибудь – пообедаем, выпьем, как бывало, и всю эту лирику как рукой снимет.

Он так задумался, что едва не пропустил поезд. И оказался один в вагоне. Черт, надо было сесть с этой теткой, она все-таки знает немецкий, если что. А что, собственно, может быть? Ну войдет, на худой конец, контролер, так я же не зайцем еду. А станция моя конечная, так в чем дело? Нет, все-таки необходимо знать хоть один иностранный язык, отвратительное ощущение немоты и беспомощности. Пойти, что ли, по вагонам, отыскать дамскую писательницу? Как-то спокойнее будет… Подходить к ней и лезть с разговорами не стану, просто сяду в том же вагоне. Надо же, она влюблена… Интересно, в кого? В молодого, наверное? Такие дамы обычно влюбляются в мальчиков, ну не в старика же, в самом деле? Но она назвала его по имени-отчеству… А что тут такого? Он может быть вполне взрослым мужчиной, которого зовут по имени-отчеству, но лет на двадцать моложе ее… Ну это я хватил! А впрочем, шут с ней. Но он все-таки решил поискать соотечественницу. Правда, в этот момент появился какой-то парень, сразу подошел к нему и как-то требовательно протянул руку. Он в ответ вытащил из кармана билетик, вовсе не будучи уверенным, что парень – контролер. Но тот и вправду оказался контролером. К тому же поезд остановился и в вагон вошли две юные девицы, обе столь умопомрачительно длинноногие, что он забыл обо всех своих сомнениях и остался сидеть. Они окинули его оценивающим взглядом, но, по-видимому, он ничем их не заинтересовал, и девицы прошли в другой конец вагона. Что это такое? Старая баба не глядит, юные красотки тоже, неужто я уже вышел в тираж? Мне всего сорок четыре, рановато. Но факт налицо. Или, став писателем, я утратил свою мужскую привлекательность? Это что же, и есть та самая сублимация, о которой писал старик Фрейд? Да и женщины у меня уже недели три не было. И ведь только сейчас я об этом вспомнил… Надо срочно найти кого-то. А может, все-таки пора уже жениться, я хорошо отдохнул от семейной жизни, можно еще разок попробовать… Ох, нет, не хочу! Надо завести постоянную бабу, с самого начала оговорить все условия, чтобы зря не обнадеживать, молодую, хорошенькую, рыженькую, кареглазую… Хотя нет, молодая не пойдет, она будет непременно стремиться замуж, нет, лучше найти красивую, лет тридцати пяти, разочарованную в семейной жизни, разведенную жену какого-нибудь психа или алкаша, тоже ценящую свою свободу… Можно даже с детьми. Нет, с детьми не надо, ей будет не до меня… Значит, лет за тридцать, самостоятельную, но разочарованную в семейной жизни. Такая тоже может быть и рыженькой, и пухленькой. Я буду ей помогать материально. Но так, не слишком, чтобы она не вздумала прибрать меня к рукам, а только чувствовала легкую благодарность. Можно будет ездить с ней отдыхать на недельку, не больше, чтобы не обрыдла. Надо только, чтобы она жила недалеко. Нет, лучше далеко, у меня, в конце концов, есть машина, а если она будет жить близко, то вздумает меня опекать, а это лишнее, ей-богу.

За окном ничего особенно интересного не было. О чем я, кретин, думаю, у меня же в час дня какое-то непонятное мероприятие. Что я буду там делать? Надо подумать, о чем говорить, если придется говорить, что отвечать, если придется отвечать.

Постепенно пустой вагон наполнялся народом, и он успокоился. Все нормально. Я, известный писатель, еду на Франкфуртскую ярмарку, и в этом нет абсолютно ничего особенного, все в порядке вещей. Но черт побери, разве я мог еще несколько лет назад об этом мечтать? Я и писателем не мечтал быть, все вышло случайно… В моей жизни вообще много случайностей, но эта, пожалуй, самая счастливая. А по-настоящему привлекательных девушек что-то не видно, что-то мне они не нравятся… Грубые, какие-то бесполые и все, как одна, не отрываются от мобильников. Наверное, я стал старый и ворчливый. Это я писатель еще молодой, а мужик уже старый, папик… Именно таких, как я, эти юные особы называют папиками… Какая гадость!

Сориентироваться на франкфуртском вокзале было не так-то просто, к тому же там почему-то стоял лютый холод. Впрочем, и на улице не слишком тепло, а на вокзале просто колотун. Он даже заглянул в какой-то магазинчик, чтобы согреться, и купил там теплые перчатки. Вот что значит осень. В марте на Лейпцигской ярмарке тоже было страшно холодно. В соответствии с московскими и интернетовскими прогнозами все оделись легко, а поскольку на календаре была весна, то найти в Лейпциге теплые перчатки оказалось невозможно. Смешно, ей-богу, опять я на книжную ярмарку приехал – и опять мерзну… Только в Лейпциге все было как-то мило и уютно, а тут…

Наконец он нашел то, что счел главным выходом, и остановился у эскалатора. Тут я сразу увижу Владьку. Только бы не опоздал, а то как я найду этот чертов павильон и стенд, говорят, ярмарка – это целый город…

– Федька!

– О, Владя! Не опоздал, молодчина!

Они обнялись.

– Ну, писатель, дай на тебя поглядеть в новом качестве! Постарел, но… Есть в тебе что-то эдакое, писательское!

– Да ладно тебе! Сколько ж мы не виделись, лет семь?

– Восемь! Когда я уезжал, ты вроде и не собирался писать. Или это было тайной мечтой?

– Даже и не мечтал никогда, а вот начал и не могу остановиться!

– И не надо! Я в Интернете смотрел, у тебя определенный успех!

– В общем да, как ни странно. А ты хоть читал что-нибудь?

– А как же! «Удача с нами!» Любимая книжка моего сына!

– Сколько ему?

– Уже шестнадцать.

– С ума сойти! Ну, Владька, надо мчаться, а то у меня в час…

– Да тут езды пять минут, правда, там надо еще дойти, но все равно успеем. А вот после твоего триумфа…

– Типун тебе на язык!

– Ладно, после твоего провала…

– Еще один типун, нет, лучше два. Так что после?

– Пойдем обедать куда-нибудь в хорошее место, я приглашаю!

– Заметано!

– Федор Васильевич, наконец-то! – кинулась к нему знакомая девушка из издательства. – Идемте скорее!

– Людочка, а что это все-таки будет?

– Да ничего особенного, постоите час на стенде, и все! Книжки подпишете, если надо! – запыхавшись, бросила девушка.

У стенда с его книгами стоял высокий столик, почему-то напомнивший ему аналой, хотя крышка не была покатой и на нем лежало не Священное Писание, а его собственные книги. Но тут к нему подошел кто-то из руководства, пожал руку, выразил восхищение – не столько книгами, сколько их тиражами.

– Федька, ты тут пока купайся в славе, а я пойду поищу знакомых! – бросил Владька и исчез.

К стенду почти все время подходили люди. Он знал, что в первые дни на ярмарку не пускают простых посетителей, а только специалистов – издателей, книготорговцев, распространителей. Тем приятнее было выслушивать комплименты. Ну и давать автографы. Профессионалы все-таки.

Подошел известный писатель-детективщик, по книгам которого как раз неделю назад показывали бездарнейший сериал. Он сразу обратился к Валентину Геннадьевичу, который представлял тут издательское руководство:

– Приветствую, Игнатьич!

– Геннадьевич, – скривился тот.

– Извини, старик, я тут все на свете забыл! Представляешь, в Москве уже открыли ресторан «У Вишни!». – Вишня – фамилия его героя, сотрудника всех на свете спецслужб без страха и упрека. – Я им сразу заявил, что они должны мне платить процент за использование имени героя! И пусть не говорят, что имели в виду Остапа Вишню или просто плодовое дерево! – Он громко расхохотался. – Как ты считаешь, я прав?

– Прав, Гога, прав, но извини, сейчас не твое время, я занят.

Тот смерил Федора невидящим взглядом, кивнул и удалился, в твердом сознании своего величия.

Господи, не дай мне превратиться в такого же самовлюбленного кретина, взмолился он.

Стоять так у «аналоя» было довольно тягостно, и он украдкой то и дело поглядывал на часы. Еще целых двадцать минут! Но тут он заметил Владю, который появился с двумя женщинами. Одна из них была рыженькая и пухленькая, цвет глаз, правда, он не мог разглядеть, но лет ей было от силы двадцать пять! Другая, высокая и худая, о чем-то оживленно беседовала с Владей, а пухленькая и рыженькая только кивала в такт чужому разговору, словно поддакивая худой и высокой. Владя помахал Федору рукой: мол, я тут и все помню, он даже слегка щелкнул себя по горлу – выпьем, дружище, как и собирались. Валентин Геннадьевич как раз говорил Федору, что удивлен до крайности – на рекламу его романов практически ничего не потрачено, а тиражи растут, спрос огромный. И вообще всячески выражал Федору свое восхищение. Что ж, это было довольно приятно, тем более что можно будет повторить его слова Владе в присутствии рыженькой и пухленькой. Она моложе меня лет на двадцать, надо производить впечатление на барышню. Одного мужского обаяния может быть недостаточно. Тем более что она явно тоже занимается книгами.

Наконец мероприятие закончилось. Валентин Геннадьевич долго тряс ему руку, а кто-то проворно убирал с «аналоя» оставшиеся книги. Следующей была дамская писательница. Она рассеянно кивнула ему.

– Ну, Федька, поздравляю, ты, говорят, пользуешься бешеным спросом! А вот познакомься, это моя давняя подруга Геля, а это ее незаменимая помощница Мака!

Высокая протянула ему руку, а пухленькая зарделась.

– Ой, я читала вашу повесть «Медленно, но верно». Мне так понравилось! – поспешила вставить Мака.

Интересно, что это за имя – Мака?

Глаза у нее оказались серо-зеленые. Не то! Хотя она в общем вполне миленькая.

– Геля, вы правда не можете уйти? – спросил Владя.

– Да нет, я ж тебе все объяснила, – не без раздражения ответила приятельница Влади. – Нам не на кого оставить стенд, а у нас еще не все готово. Так что не обессудь! – Голос у нее был низкий, прокуренный.

– Жаль, а я думал, мы вместе пообедаем! А может, отпустишь с нами Маку? Обещаю, мы ее покормим и отправим назад!

– Я не вправе оставлять Маку без обеда! – сухо проговорила Геля. – Если хочет, пусть идет.

– Ой, нет, что вы, я не могу… Нет-нет, ни в коем случае, я никуда не пойду, – заторопилась Мака, и видно было, что ей ужасно хочется пойти с ними, но она не решается.

– Ну что ж, тогда мы двинули, а, Федя?

– Ну да, наверное…

Ему вообще-то хотелось посидеть вдвоем со старым приятелем, вспомнить молодость, рассказать о том, как он начал писать и что пишет теперь, а с другой стороны, Мака все же заинтересовала его. Но она никуда не денется, в конце-то концов! Завтра с утра он ее разыщет и пригласит куда-нибудь. Надо надеяться, эта Геля отпустит ее часа на два, когда ей будет удобно. Или же сама уйдет, а он останется с Макой дежурить на стенде. Тоже неплохо!

– А где ваш стенд? – спросил он у Маки.

– Вон там, Д-восемнадцать!

– Я непременно зайду завтра!

– Ой, Ангелина Викторовна, вам Головин понравился? – спросила Мака, сидя на корточках у ящика под стендом.

– Что ты там ищешь?

– Плакат!

– Да вот же он лежит.

– Ой, правда! Вот я дура! Ищу-ищу!

– Меньше надо на мужиков заглядываться, – с легким смешком заметила Ангелина Викторовна.

Мака вспыхнула:

– Да я… Я просто хотела спросить, почему мы его не издаем?

– Во-первых, он нам не по карману уже, а во-вторых, не по профилю.

– А вы его читали?

– Да, что-то читала. Джек Лондон для бедных.

– Что значит «для бедных»?

– Только то, что он все-таки не Джек Лондон.

– Но Джек Лондон тоже ведь писатель не первого ряда!

– Может, и не первого, но я его обожаю.

– Как странно! – удивленно протянула Мака.

– А что тут странного?

– Я не думала, что вы… А Головин вам совсем не понравился?

– Почему же? Он хорошо пишет, у него отличный слог, это в наше время редкость, особенно среди популярных авторов. Так что Головин твой вполне съедобен.

– Почему – мой? – вскинулась Мака.

– Ну он же тебе понравился, не отпирайся.

– Вообще-то да, – опять вспыхнула Мака. – Интересный мужчина. Плечи такие широкие… надежные… И вообще…

– Вот и займись.

– А он женат?

– Понятия не имею. Слушай, где у нас Северянин?

– Вот он! Куда его лучше поставить?

– Сюда!

Издательство «Фатум» делило стенд еще с одним новым издательством, специализирующимся на архитектуре. Его тоже возглавляла женщина, Инна Николаевна Вешко, красивая, но непомерно толстая и непомерно энергичная. От ее энергии у Ангелины Викторовны начинала болеть голова, а от ее туалетов рябило в глазах. А вот ее помощник Артур оказался милым парнем, готовым служить всем трем женщинам. Но ему явно приглянулась Мака.

– Ангелина Викторовна, – робко обратился к соседке Артур, – извините, а что это за имя – Мака?

– Тамара, – ответила Геля и усмехнулась про себя. Ничего тебе, парень, не светит. Во-первых, у Маки совсем другие устремления, а во-вторых, твоя начальница быстро даст тебе укорот. Она дама не промах.

– Да? Спасибо, – пролепетал Артур.

А вот у Маки как раз может что-то получиться, этот Головин, кажется, положил на нее глаз. Во всяком случае, смотрел на девчонку с явным удовольствием. Надо будет разузнать у Влади, что он за тип, а то я обещала Макиной маме приглядеть за ней…

– Слушай, Владя, я что-то проголодался, просто жуть. Пошли скорее, а то недолго и дуба дать! Даже голова кружится!

– Это у тебя головокружение от успехов, – засмеялся приятель. – Сейчас мы пойдем в одно клевое итальянское заведение, останешься доволен.

– Ладно, мне все равно, хоть в китайское, лишь бы поскорее.

– В китайское – это без меня, терпеть не могу всякую восточную шамовку, мне кажется, там обязательно подсунут каких-нибудь червяков или насекомых. Фи!

– А в итальянской кухне все эти дары моря…

– Я их никогда не беру, и дело с концом. Если я закажу рыбу, это будет рыба, если мясо, то мясо!

– А если макароны, то макароны?

– Вот именно!

– Знаешь, однажды в итальянском ресторане в Вене мне вместо нормальной горячей рыбы подали какую-то соленую холодную гадость, меня едва не стошнило после нее.

– Значит, ты что-то не то заказал. Она была холодная в каком смысле? Остывшая или…

– Нет-нет, просто холодная. Так, видимо, полагалось.

– Языки надо учить, я давно тебе твержу.

– И ты абсолютно прав! Ладно, пусть будет итальянский ресторан. Ты же меня проконсультируешь?

– Бесспорно! Признайся, старик, ты положил глаз на Маку?

– Да ну, глупости, хотя она аппетитненькая.

– Ты по-прежнему ничего не понимаешь в женщинах!

Но тут они пришли. Итальянский ресторан оказался небольшим, уютным, с миловидной и весьма приветливой хозяйкой-итальянкой.

Владя придирчиво выбирал вино, требуя, чтобы оно ни в коем случае не было венецианским, и заказал массу всяких блюд.

– Владька, а мы не лопнем?

– Молчи, примитивный тип! Я знаю, что и как надо заказывать, чтобы получить удовольствие и не обожраться. Положись на меня.

– Так и быть. Слушай, а почему ты сказал, что я ничего не понимаю в женщинах?

– Потому что положить глаз на Маку, когда рядом Ангелина…

– А что такого в этой Ангелине? Ни кожи, ни рожи.

– Вот я и говорю, что ты так же ничего не понимаешь в женщинах, как в тонкостях кулинарии. Если хочешь знать, Мака – это картошка с селедкой, а Геля… – он поцеловал кончики своих пальцев, – Геля весьма изысканное и очень дорогое блюдо. Но у тебя вкусы всегда были примитивные.

– Да ладно, тоже мне гурман нашелся! Особенно если вспомнить твою Зойку!

– Да, Зойка была девчонка простая, без затей…

– В жизни не видел девки вульгарнее!

– И на старушку бывает прорушка, – засмеялся Владя.

– Что ж ты сам не займешься этой Ангелиной, а?

– О, наш поезд давно ушел. Я еще в юности понял ей цену, а она на меня и не глядела. А когда я через несколько лет сделал новый заход, она уже была замужем и с ребенком… А ты не обратил внимания, какая она элегантная?

– Нет, только заметил, что тощая. И немолодая к тому же!

– Тридцать девять, по-твоему, это уже старость?

– Ну в принципе для бабы – да.

– А я вот молоденьких не люблю. Что с ними делать?

– А то ты не знаешь?

– Фу, Федя, все не так примитивно.

– Да ладно тебе, просто у меня нормальные, здоровые вкусы, а ты некоторым образом извращенец!

– Пусть так, не будем ссориться, старик! И вообще, давай-ка лучше выпьем за тебя! Не ожидал я, что ты вдруг начнешь писать.

– Я и сам не ожидал, – рассмеялся Федор Васильевич.

– А как это тебе в голову взбрело?

– Хочешь, расскажу, только закажи мне лучше граппу, не люблю я эту кислятину!

– Ты это дивное вино называешь кислятиной? Боже, зачем ты дал талант писателя такому убогому типу! Ну так что тебя заставило взяться за перо?

– Ты не поверишь, но Ольга Митрохина.

– То есть как? – поперхнулся Владя.

– А вот так! Она мне позвонила в момент, когда я был в жутком состоянии. Умерла Вера, все валилось из рук, фирмочка, которую мы создали с двоюродным братом, обанкротилась, и тут вдруг Ольга… мне нужна была тогда жилетка, вот я и воспользовался, пригласил ее в кабак и выложил все свои печали…

– Ишь ты, как по-писательски звучит «все свои печали»!

– Да ну тебя…

– Прости, старик, я тебя слушаю!

– Ольга вот тоже выслушала меня, а потом говорит: «Федя, а не хочешь попробовать пойти к нам консультантом?» Она тогда работала администратором на каком-то сериале про золотодобытчиков.

– Да, в этом ты разбираешься.

– Обещала хорошо платить и все такое. Одним словом, я согласился, чтобы не удавиться от тоски. Мне дали сценарий. Это было такое говно – ни в сказке сказать, ни пером описать. Я Ольге честно об этом заявил, а еще добавил, что тут надо все в корне менять. Однако менять что-либо, ну кроме каких-то мелочей, было уже поздно, но Ольга все же познакомила меня с режиссером. Я все ему объяснил, он, вопреки Ольгиным ожиданиям, ко многому прислушался и утвердил меня консультантом, хотя продюсер долго упирался. Мне платили что-то, но я был при деле, и потом, там была одна девушка-гримерша…

– Ага, опять подножный корм!

– Владька! Она была очень миленькая… Словом, я стал приходить в себя и в одну прекрасную ночь вдруг подумал: этот сценарий написан по какому-то роману. Я

его прочитал, тоже то еще говно. Я мог бы написать не хуже, а уж тему-то знаю в сто раз лучше… И я написал повесть, буквально за полтора месяца, без всяких мук творчества, просто садился с утра за компьютер и писал, пока задница не онемеет. И чувствовал, что занимаюсь своим делом. Это было удивительно! А когда дописал, прочитал и сказал себе: черт возьми, а ведь это здорово и наверняка многим понравится. Показал Ольге, она пришла в восторг, отнесла режиссеру, тот тоже одобрил и предложил вместе написать по моей повести сценарий. Но я отказался, я уже не хотел никакого кино, мне было жалко свою повесть, я уже знал, что киношники делают с литературными произведениями… И я отнес рукопись в одно издательство. Мне там сказали, что повесть хорошая, но слишком маленькая, чтобы выпускать отдельной книгой. Напишите, мол, еще одну и приносите. А мне только того и надо! Я засел за компьютер и через полтора месяца написал вторую. Понес в то издательство, а там все редакторы поменялись, никто про мою повесть и слыхом не слыхал. Я разозлился и сказал: «Вы об этом еще пожалеете!» Там только рассмеялись! А сегодня директор того издательства, когда я на стенде стоял, вокруг меня кругами ходил, извинялся, признавал свои ошибки. Знаешь, я, как теперь говорят, проперся!

– Надо думать!

– А потом я показал свои повести одному соседу, который работает в журнале, и он посоветовал обратиться в издательство «Гриф». Я пошел туда, и через неделю меня пригласили подписать договор. Заплатили гроши, но обещали выпустить очень быстро. И правда, через три месяца книжка вышла! Что со мной было! Я чуть не умер от счастья!

– Извини, а на что ты жил это время?

– За консультации продолжали платить, и еще я на машине бомбил по ночам. Это было счастливое время, Владька! Днем я писал, часов до пяти, потом спал до десяти, с десяти до трех-четырех левачил… И мне ничего другого уже не хотелось. Но через пару месяцев вдруг выяснилось, что моя книжка хорошо продается, и мне предложили написать еще одну, а у меня уж она готова, и тогда они сами мне гонорар прибавили. Так вот и пошло… А теперь я у них, можно сказать, один из главных авторов. Самому странно…

– Да, история невероятная! Совсем не «Мартин Иден», и слава богу!

– При чем тут Мартин Иден? Он молодой и темный, а я совсем не молодой и не такой уж темный, и…

Его часто сравнивали с Джеком Лондоном, и почему-то его это обижало.

– Федя, я же как раз сказал, что совсем не Мартин Иден! «Не», понимаешь, «не»?

– Ладно, проехали!

– Ну а что у тебя на личном фронте?

– Как ты выражаешься, подножный корм, и меня это вполне устраивает.

– Что, совсем нет постоянной бабы?

– Нет, уже года два, как я в свободном полете. Возраст уже…

– Хочешь сказать, потенция уже не та, потребностей меньше?

– И это тоже, как ни грустно признаваться. И потом, знаешь, мне сейчас хорошо, я, Владька, когда начал писать, вдруг почувствовал, что под сорок лет только зажил своей жизнью, той, которая мне предназначена была. И видимо, мне лучше жить одному, чтобы заниматься своим делом.

– Слушай, а ты что, никогда раньше писать не пробовал?

– Сроду не писал ничего, кроме школьных сочинений, да и в них не блистал… А вот поди ж ты! – счастливо рассмеялся Федор Васильевич. – Ну что мы все обо мне и обо мне! Расскажи лучше о себе.

– Да у меня все то же! Та же профессия, та же жена, те же дети, просто живем мы не в Москве, а в Дюссельдорфе, только и всего. Неинтересно! Кстати, ты должен к нам приехать, Риммка жаждет с тобой повидаться.

– А что ж ты ее с собой не взял?

– Так она служит, это я свободный художник, работаю по договорам.

Владислав Иванович был классным дизайнером.

– Ну а на личном фронте что? – подмигнул ему старый приятель.

– Да кое-что есть, одна очаровательная мулаточка. – И он поцеловал кончики пальцев.

Мака трепетала. Ей так понравился Головин! И хотя он был лет на двадцать старше нее, но ей нравились такие мужчины – взрослые, пожившие, за плечами у которых есть волнующий опыт и которые в состоянии оценить ее молодость и свежесть. Но молодость и свежесть – явление недолговечное, и Мака прекрасно отдавала себе в этом отчет. Она просто еще не встретила мужчину, который был бы достойной дичью. Но Головин – это то, что надо! Талантливый писатель, популярный уже, получающий, как говорят, приличные гонорары и ужасно интересный мужчина, к тому же холостой. Все это она успела узнать у приятельницы из «Грифа». И ко всему прочему, он положил на нее глаз, даже Ангелина это заметила!

Завтра с утра он, наверное, придет на ярмарку, и уж я его не упущу. Только надо сделать вид, что это он будет меня добиваться, а не я его. Кое-какой жизненный опыт и у меня есть, и я сумею, должна суметь! Плохо, конечно, что мы в разных гостиницах, а он к тому же вообще в Висбадене… Но при желании это преодолимо. Хотя лучше, наверное, отложить сближение до Москвы…

В Москве у Маки была отдельная двухкомнатная квартира, где можно достойно принять такого человека… Ему это должно понравиться, он поймет, что я не лимитчица какая-нибудь, которой нужна жилплощадь. Как пишут в брачных объявлениях: «Молодая, весьма привлекательная особа без м. пр.», то есть без материальных проблем. Ах, как с ним должно быть интересно, он такой романтичный… столько всего знает и наверняка похож на своего героя Никиту Завьялова… Одинокого, мужественного, с хорошим чувством юмора… Я когда читала, просто влюбилась в него, а уж в автора сам бог велел влюбиться. Надо сегодня пораньше лечь, все равно Ангелина поднимет ни свет ни заря… А завтра с утра надо голову вымыть, подкраситься и надеть зеленую кофточку, глаза тогда будут совсем зеленые, и он не устоит. Это хорошо, что Ангелина все

поняла, и еще хорошо, что он ей не понравился… Она хоть и старая, но… Эх, мне бы ее стильность и элегантность. А впрочем, Головин же положил глаз на меня, и это уже залог успеха.

Кажется, девчонка втюрилась, подумала Ангелина Викторовна, заметив, что ее помощница вот уже два часа как не раскрывает рта, тогда как обычно болтает без умолку. Макина мать, преподаватель английского, у которой Ангелина когда-то училась и с которой они сдружились, просила ее приглядеть за дочкой, а что приглядывать за совершенно взрослой и к тому же давно самостоятельно живущей особой? Вероятно, Маруся имела в виду что-то другое… Конечно, она просто не решилась сказать: «Геля, познакомь ее там с какими-нибудь приличными людьми!» Мать давно мечтает выдать Маку замуж и, вероятно, сочтет Головина хорошей партией, она обожает творческую интеллигенцию. А что, все может получиться, я хорошая сваха, трех своих знакомых замуж пристроила…

– Извините, можно посмотреть том Гумилева? – спросила пожилая красивая дама.

– Да, пожалуйста!

– А купить его можно?

– Нет, к сожалению, пока нельзя, но в последний день, вероятно…

– Спасибо. У вас хорошее оформление, интеллигентное…

– Мы стараемся.

– Дай вам бог удачи!

– Спасибо большое!

Слова этой дамы почему-то страшно тронули Ангелину. Ей сейчас так нужна удача!

– Постойте, я подарю вам этот томик!

– О, спасибо, но я…

– Берите, берите, я хочу вам это подарить!

– Спасибо огромное!

– А хотите немного вина? – сама не зная почему, предложила Ангелина. Ей показалось, что эта дама – добрая фея, которую нельзя упустить.

– Спасибо, с удовольствием.

– Садитесь, пожалуйста. Мака, где у нас стаканчики?

Мака словно очнулась и с удивлением взглянула на шефиню. Что это с ней? Но тут же достала припасенную заранее упаковку бумажных стаканчиков. И коробочку конфет.

– Боже мой, московская пастила! – воскликнула дама. – Неужели вы кроме книг везли из Москвы еще и пастилу?

– Да, я обожаю пастилу, – призналась Ангелина.

– Я тоже! Помню, в моем детстве были удивительно красивые коробки, серебристо-серые со снегирями, кажется…

– А я таких не помню.

– Естественно, это было так давно… А я, знаете, уже пятнадцать лет живу в Германии, мы с мужем уехали в самом конце восьмидесятых. Теперь муж умер – и мне одиноко… Спасибо одной знакомой, она дала мне билет, а то ведь в первые дни посетителей не пускают, а потом билеты стоят недешево. Я так люблю книги, а русские книги здесь очень дороги. Знаете, в моей молодости Гумилев был вроде как запрещен. И Северянина практически не печатали. Скажите, неужели на это еще есть спрос?

– Есть, конечно, есть, нельзя сказать, что огромный, но… Во всяком случае, наши издания не залеживаются, правда, у нас и тиражи небольшие…

– А вы, простите, кто?

– Я? В каком смысле?

– Ну вы редактор, директор?

– Я и директор, и главный редактор, и хозяйка, – с гордостью заявила Ангелина.

– О боже, и все это в одном лице? У вас маленькое издательство?

– Да, маленькое, мы, конечно, некоторым образом зависим от крупной издательской фирмы, ну распространение и все прочее, но политику проводим самостоятельную. Я предпочитаю издавать не так много, но никаких этих массовых авторов… Пока получается, но что будет дальше, кто знает. Извините, а как ваше имя-отчество?

– Маргарита Романовна, а вас как звать-величать?

– Ангелина Викторовна, а это моя помощница Тамара.

Мака недовольно поморщилась, она не любила свое имя, ей больше нравилось быть Макой.

– Ангелина Викторовна, – к стенду подошел главный редактор издательства «Минимум» с каким-то иностранцем, – позвольте вам представить моего друга Штефана из Венгрии…

Ангелина извинилась и вступила в разговор с венгром, вполне прилично говорившим по-русски. Разговор был сугубо профессиональным и деловым. Она хотела пригласить его сесть за столик, но там расположилась Маргарита Романовна и вести беседу при ней было как-то не очень ловко. И она предложила ему присесть на ящик под стендом. Когда минут через пятнадцать венгр ушел, присутствие Маргариты Романовны вдруг стало раздражать Ангелину. Она еще раз извинилась перед ней и вышла на открытую галерею, где

во множестве расположились торговцы сувенирами. Черт, какой собачий холод! И совсем не хочется смотреть на прилавки. И вообще, хочется вернуться к себе на стенд и чтобы там не было этой Маргариты. Гелька, ты что с ума сходишь, сама же ее пригласила, старушка одинока, ей, видно, не с кем поболтать по-русски, а ты бесишься. А чего беситься? Пойди и скажи честно: извините, дорогая Маргарита Романовна, но мне надо работать. Или она не поймет? Думает небось, что это за работа, одна болтовня? Но нет, она вроде продвинутая, книги любит, Гумилева, а ты, Гелька, просто дура! Какая-то тетка пожелала тебе удачи, ты и растрогалась. Конечно, растрогалась, еще бы не растрогаться, если все вокруг тебе пророчат только всякие гадости! Поневоле от первого доброго слова рассиропишься… Нет, растекаться в сироп не стоит, надо просто воспринять добрые слова этой тетки как первую ласточку… Теперь тебе будут говорить много добрых слов… В конце концов, официальное открытие будет только завтра, а тебе уже сказали добрые слова… – уговаривала себя Ангелина, трясясь от холода.

– Гелечка, вы что тут мерзнете? – спросил ее симпатичный пожилой художник из «Грифа».

– Так, на нервной почве, – стуча зубами, ответила она.

– Да вы простудитесь, идите в помещение!

– Да, в самом деле, спасибо!

На стенде Маргариты уже не было.

– Ангелина Викторовна, вы же сами ее пригласили, – смеялась Мака, наливая ей горячий чай из термоса. – Так почему убежали? Она вполне милая, только вот всю пастилу слопала. А так очень даже славная старушка.

– Да знаю, она обиделась?

– Кажется, нет, просто поняла, что пастилы больше не дадут, а еще я ей посоветовала заглянуть на стенд «Серебряного века».

– К конкурентам сплавила? – улыбнулась Ангелина.

– Вот именно.

– Ты иди поешь, а я тут побуду!

– Да ну, Ангелина Викторовна, пошли вместе, Артур присмотрит, правда, Артурчик?

– Да-да, не волнуйтесь, я никуда не уйду!

– …Нравится тебе тут? – поинтересовалась Ангелина, откусывая длинную франкфуртскую сосиску.

– Где? В кафе? – уточнила Мака.

– Да нет, на ярмарке.

– Не то слово! Просто кайф в чистом виде, так интересно! Сегодня будет пресс-конференция Болотина, вы пойдете?

– Да нет, мне он совсем не интересен.

– А можно я пойду? Она в шесть часов начинается.

– Да ради бога, я сама уберу книги.

– Нет, зачем? Я без пятнадцати уберу и успею к началу.

– А что это ты так плохо ешь?

– Аппетита нет.

– Влюбилась! Чтобы у тебя не было аппетита, я такого не помню.

– Я тоже! – радостно воскликнула Мака. – А вы верите в любовь с первого взгляда?

– Пожалуй.

– И сами влюблялись с первого взгляда?

– Сама? Нет. Со второго было, а с первого…

– Ой, Ангелина Викторовна, а вы правда думаете, что у нас может что-то получиться?

– Откуда я знаю? Но в принципе почему бы нет?

– Вы только маме ничего не говорите, ладно?

– Так пока и говорить нечего, – рассмеялась Ангелина. – Ты решительно не хочешь вторую сосиску?

– Решительно!

– А я возьму. Я ни в кого не влюблена и хочу есть.

– Неужели вы ни в кого не влюблены?

– Нет.

– Но почему? Вы такая интересная женщина!

– Да не в кого мне влюбляться. В нашем издательском бизнесе с мужиками напряженно.

– Почему? Сейчас масса мужчин занимаются…

– Так это они с виду мужчины, а на самом деле… Ну их!

– А почему вы решили, что Головин положил на меня глаз?

Боже мой, ничего не меняется в этом мире! Вот и я когда-то задавала такие же дурацкие вопросы. А хотелось бы мне опять влюбиться? Наверное, только мне некогда. Да и потом, я с первого взгляда не умею, а со второго в моем возрасте сразу видишь кучу недостатков – и куда уж тут влюбляться. Влюбленность – это иллюзия, а со второго взгляда какие иллюзии…

– Ну, Ангелина Викторовна, вы мне не ответили!

– Извини, я задумалась. Так что ты спросила?

После долгого, основательного итальянского обеда друзья намеревались погулять по городу, но опять начал накрапывать дождь, и они отправились в бар.

– Слушай, а как же ты поедешь? – беспокоился Федор Васильевич.

– А я не поеду сегодня, переночую у одного приятеля и завтра утром вернусь.

– Так надо позвонить Римме!

– Позвоню, в чем проблема? Расслабься, Федюня, живи спокойно и получай от жизни удовольствие.

– Обычно я так и делаю, а тут что-то мне неймется…

– Может, это из-за рыженькой Маки?

– Может быть…

– У тебя проблемы с бабами?

– Да вроде нет. Слушай, а куда бы мне ее завтра пригласить?

– На какой предмет?

– Ну для начала пообедать или поужинать, а там видно будет.

– Значит, речь просто о хорошем ресторане?

– Ну да, что-нибудь местное, специфическое…

– О, я знаю! Гениальное местечко! Я только не помню, как оно называется.

– Здрасте, приехали!

– Не проблема! Берешь такси и говоришь шоферу…

– Говоришь! На каком языке я буду с ним говорить?

– Ерунда! Предоставь это Маке, она отлично говорит по-немецки. Ресторан в старом городе, где подают апфельвайн, этого достаточно.

– Что?

– Яблочное вино!

– Сидр, что ли?

– Нет, какой там сидр! Сидр сладкий и шипучий, а тут настоящее яблочное вино.

– Именно вино, не водка, как там ее звали у Ремарка или Хемингуэя?

– Кальвадос, что ли?

– Ну да.

– Нет, именно вино, несладкое, ароматное, прелесть просто. Я, дурак, забыл про это заведение… И кормят там вкусно, такая добротная, простая немецкая жратва. Тебе понравится, я уверен.

– И ты полагаешь, что достаточно сказать таксисту…

– Совершенно уверен!

В гостиницу Федор Васильевич попал поздно, и трезвым его никто не счел бы. Однако он благополучно поднялся к себе, напрочь позабыв о гранатовой сережке, лежащей в кармане.

Проснулся он рано и первым делом вспомнил о Маке. Черт возьми, как забавно вчера она материализовалась! Только я вообразил себе пухленькую рыженькую, как вот она… И она обратила на меня внимание, так что зря я вчера беспокоился. Я вчера вообще что-то много беспокоился. А сегодня все, свободен как ветер, никаких обязательных мероприятий. Надо бы, наверное, сходить в дом Гете, но что-то не хочется никаких музеев! А вот Маку я хочу! Только имя мне не нравится, какая-то собачья кличка. Мака! Мака-макака! Мака-собака! Напрашивались и вовсе некрасивые рифмы, но он просто решил, что потом придумает, как звать такую милую, аппетитную девушку. Сколько ей может быть лет? На вид не больше двадцати трех, ну максимум двадцати пяти. Самое оно! Это уже не юность, не молочно-восковая спелость, всегда вызывавшая в нем некоторый ужас, но еще и не зрелость! Это просто наглая, дивная, восхитительная молодость, а, учитывая явную бойкость и наше время, наверняка есть уже некоторый опыт, одним словом, то, что надо! Может, с ней и поговорить найдется о чем, все-таки работает в издательстве. Федор Васильевич, вперед и с песней!

Он вскочил, отжался двадцать пять раз – необходимый минимум, дома он отжимается по пятьдесят раз – и принял душ. Потом быстро оделся и побежал вниз завтракать, он здорово проголодался. Там никого не было, только известный детский писатель, с которым его вчера познакомили. Федор хотел было к нему подсесть и поговорить, но тот сделал вид, что не узнал его, и даже не ответил на приветствие. Ну и черт с ним! Если он завистливый дурак, кому он нужен? Только не мне.

Но, позавтракав, он подумал, что, может быть, этот детский писатель просто близорук? После еды он вообще добродушнее относился к жизни и людям.

На улице было холодно. Светило солнышко, неяркое, октябрьское, среднеевропейское, но все равно солнышко! И никуда не надо спешить, никто и

нигде его не дожидается, времени навалом, деньги есть, и еще есть Мака, она, наверное, все-таки ждет его… Пойти, что ли, погулять по Висбадену, поглядеть, что это за город при свете солнца, но ноги сами понесли его к вокзалу. Погуляю по Франкфурту, тоже интересно; кстати, надо бы купить себе новый свитер, да и хорошие туфли не помешают… Нет, глупости, что я буду целый день гулять с пакетами? Бред!

Он и сам не заметил, как очутился на ярмарке. В этом есть что-то завораживающее. Огромные холлы, бесконечные переходы, эскалаторы, движущиеся дорожки, толпы народу, разноязыкий говор, а он здесь не посетитель, он как бы находится внутри процесса, и это здорово, это так интересно! Только бы не заблудиться, но он хорошо ориентировался и быстро нашел российский павильон. Вот внутри павильона сориентироваться было уже сложнее, но он помнил номер стенда издательства «Фатум». Однако сейчас еще рано идти к Маке, она может невесть что вообразить, а это ни к чему. Похожу тут, послоняюсь, может, знакомых встречу. У него было еще мало знакомых в этом мире. Но просто посмотреть, что издают, тоже интересно, к тому же тут много каких-то мероприятий. Он довольно долго слонялся по павильону, и ему все страшно нравилось. Но вот он услышал усиленные микрофоном голоса и, свернув за угол, увидел небольшую трибуну, сплошь забитую зрителями, и столик, за которым сидело человек шесть, среди которых было несколько знакомых по телевизору лиц. Он прислушался и понял, что разговор идет о политике, разговор яростный и неприятный. Нет, не хочу!

Он еще раз свернул за угол и увидел столики, как в кафе, и стойку, микрофон, хорошенькую смуглую девушку, пожилого мужчину, чем-то явно озабоченного, и второго, лет сорока, который усиленно кокетничал с девушкой. Зрителей не было. Федор присел, ему стало интересно, что тут будет. Пожилой то и дело встревоженно поглядывал на часы. Но вот за столик рядом с Федором сели две женщины, одна из которых оказалась дамской писательницей. Она приветливо ему кивнула, продолжая довольно весело беседовать со своей спутницей. Время шло, никто больше не появлялся, и лицо сорокалетнего ловеласа постепенно каменело, хоть он и продолжал улыбаться, но улыбка больше напоминала оскал. Ага, тут что-то срывается, видимо, этот ловелас должен был выступать, а публики нет. С другой стороны, рядом, буквально в шаге отсюда, происходит пресс-конференция известных личностей, да еще с политическим уклоном. Не повезло тебе, браток! Федор поставил себя на его место и ему стало почти дурно. Он проникся глубоким сочувствием к собрату по перу и безмерной благодарностью к руководству издательства «Гриф» за то, что его не поставили в такое кошмарное положение. Он не знал, кто этот человек, но ему не

позавидуешь! Однако тот держался мужественно, сумел даже справиться со своим лицом и весело болтал со смуглой красоткой. Чего нельзя было сказать о пожилом, он с угрюмым видом подошел к дамской писательнице и разразился гневной тирадой в адрес организаторов. Как можно назначать на одно и то же время, да еще и в непосредственной близости друг от друга два столь разных по значению и уровню мероприятия! А торжественное открытие, одновременно с которым должна была состояться пресс-конференция старого, заслуженного-перезаслуженного и весьма обидчивого художника, на которую попросту никто не явился! Возмутительно! Произнеся все это, он в изнеможении рухнул на стул, но буквально через минуту вскочил и куда-то умчался, дамы засеменили за ним. А герой несостоявшегося мероприятия вручил визитку смуглой красотке и удалился с независимой улыбкой. Молодец. Хотя, наверное, пойдет сейчас налижется. Я бы поступил именно так.

– Ой, Мака, вы сегодня такая красивая! – восхищенно пролепетал Артур. – Вам так идет зеленое…

– Артурчик, мы вчера были на «ты», – кокетливо улыбнулась Мака. Ей приятно было услышать очередной, далеко не первый сегодня комплимент. А Ангелина даже повела ее на галерею и купила в подарок бусы из зеленого оникса. Мака была поражена.

– Зачем вы, Ангелина Викторовна? – смущенно бормотала она, теребя подаренные бусы.

– На счастье! – улыбнулась Ангелина.

Мака растрогалась и в очередной раз восхитилась Ангелининым вкусом – бусы, хоть и совсем простые по форме, удивительным образом делали ее незамысловатую кофточку не просто красивой, но стильной. Интересно, это врожденное или можно научиться? Она всегда знала, что Ангелина хорошо к ней относится, вот и на работу к себе взяла, и продвигает всячески, и даже сюда привезла, где, может быть… Нет, ничего загадывать не буду, но она мировая тетка, эта Ангелина! Мака помчалась в туалет, чтобы поглядеть на себя в большое зеркало, и на обратном пути вдруг увидела Головина, который одиноко сидел на стуле, задумчиво и без видимого интереса глядя на какого-то мужчину у стойки, который кокетничал со смуглой девицей. Или он смотрел на девицу?

Нет, непохоже.

Ей захотелось подойти, спросить, что он тут делает, или даже погладить его по голове, как маленького… Но она взяла себя в руки, припомнила все, чему ее учила мама, – никогда не навязываться мужчине или уж делать это так, чтобы он ничего не понял. И она побежала к себе на стенд, радуясь, что он, по крайней мере, уже здесь!

Однако прошло не менее двух часов, прежде чем Головин появился у них на стенде. Мака уже потеряла надежду.

– Привет! – сказал он.

– Здравствуйте! – вспыхнула Мака.

Он с удовольствием отметил, какая она сегодня хорошенькая.

– Ну, Мака, чем похвастаетесь? – спросил он, озирая стенд. В отличие от большинства других стендов, здесь не было ярких лаковых обложек, кричащих красок и аляповатых золотых заголовков. Все строго, стильно, изящно. Скоро прогорят, решил Федор. Разве на таком изыске продержишься в наше время? Но, разумеется, ничего этого не сказал, а взял в руки томик Мандельштама, пролистал его, поставил на место. Он не понимал Мандельштама. А следовательно, не любил. Он вообще не очень любил стихи. Неужто они печатают только стихи? Нет. Ага, вот и проза, Набоков.

– Вы любите Набокова? – спросила Мака, чтобы хоть что-то спросить.

– Набокова? Да, пожалуй, нет.

– А кого вы любите?

– Гоголя люблю. Лескова люблю.

– А Достоевского?

– А надо? – засмеялся он.

– Что? – не поняла Мака.

– Чтобы вам понравиться, обязательно любить Достоевского? Или проканает и так?

Мака на мгновение опешила, а потом залилась звонким смехом:

– Проканает! И так проканает!

– Вот и отлично! Тогда обедаем вместе!

– Ну я не знаю… – замялась Мака, – это зависит…

– Ладно, но ужинаем точно вместе?

– Да, ужинаем точно! – У нее все внутри дрожало от восторга.

– Вы когда заканчиваете?

– В шесть.

– Отлично, в шесть я за вами зайду. Если немного задержусь, не обессудьте, я в незнакомом городе могу и заблудиться.

– А вы на всякий случай запишите мой мобильный.

– И правда. Мака, вы говорят, хорошо знаете немецкий?

– Ну да, а что?

– Нам это может пригодиться! Тогда до встречи?

– Да, спасибо вам.

– Господи, за что?

– За приглашение!

– Есть о чем говорить, пока, Мака!

И он ушел, а она осталась. В полном и совершенном восторге. Интересно, куда он ее поведет? И как все это будет? И что будет потом?

– Мака, вы что это так сияете? – спросил ее подошедший Артур. Он не видел Головина.

– Есть причины, – загадочно проговорила девушка. – Артурчик, я на минутку уйду, мне надо раздобыть одну книжку…

И она сломя голову кинулась к стенду «Грифа».

– Ой, извините, у вас можно купить книжку Головина?

– Можно, – кивнула девушка. – Вам все равно какую?

– Все равно!

За книжку пришлось выложить шесть евро. Сегодня она возьмет у него автограф. Улучит подходящий момент, когда он поест, выпьет, и тогда он напишет ей что-нибудь такое… нежное… и пусть даже ничего особенного сегодня не случится, но автограф у нее останется. Нежная, проникновенная надпись, что-нибудь романтическое… Подружки в Москве лопнут от зависти.

– Приходил? – с ходу осведомилась Ангелина, увидев свою помощницу.

– Да.

– То-то ты вся светишься. Ну и что?

– Приглашал обедать, но я отказалась.

– Почему?

– А он на ужин пригласил.

– О! И куда пойдете?

– Не знаю, он не сказал. В шесть зайдет.

– Он наши книги смотрел?

– Не очень… Повертел Мандельштама, потом Набокова, сказал, что не любит Достоевского…

– Имеет право, – улыбнулась Ангелина и вдруг остро позавидовала тому сиянию, той молодой радости, которая так и плескалась в зеленоватых Макиных глазах. Неужели для меня это уже пройденный этап? Но любовь и свое дело несовместимы, а дороже издательства у нее ничего не было.

– Очень за тебя рада. Только не наделай глупостей.

– Постараюсь, – не очень уверенно ответила Мака.

– Ты сейчас иди перекуси, а то потом у меня встреча в четвертом павильоне.

– Я не хочу есть.

– В предчувствии ужина с модным писателем?

– Нет, просто…

– Мака, ты второй день не хочешь есть, я за тебя беспокоюсь, а что скажет мама? Что я заморила тебя голодом?

– Ну, Ангелина Викторовна, хватит вам смеяться… – надула губки Мака. Но глаза ее продолжали светиться сумасшедшим восторгом. Совершенно щенячьим.

– Да боже меня упаси! Я просто немножко завидую… Я уже не в состоянии так радоваться… Ничему, наверное.

У Маки сжалось сердце. Она знала, отчего Ангелина утратила способность радоваться. Но предпочла сделать вид, что не поняла.

– Вы еще влюбитесь и тоже будете сиять! Вы ж еще нестарая…

– Ну спасибо, утешила!

Ангелина задерживалась. Уже начало шестого, а ее все нет! Она обещала сама закрыть стенд, но все-таки уйти без нее будет неловко. Ну, может, Головин согласится немножко подождать…

Ровно без четверти шесть Ангелина появилась:

– Ну что, не пришел?

– Нет, рано еще, – с облегчением выдохнула Мака. – Убираем?

– Нет, я сама уберу, ко мне еще должна зайти одна дама из Израиля, она завтра утром уезжает и хочет взглянуть на наш стенд, обещала быть не позже четверти седьмого. Так что беги в туалет.

– Зачем?

– Причешись, подкрасься чуточку.

– Ой, да, спасибо, я что-то сдурела!

– Не рановато ли?

Мака в ответ только счастливо рассмеялась.

Яблочное вино оказалось необыкновенно вкусным и пилось легко, как лимонад. Стоило им сесть на лавках друг против друга, как кельнер тут же поставил перед каждым по большущему стакану желтого ароматного напитка и лишь после этого подал меню.

– Ну, Мака, чем тут кормят? Полагаюсь на вас, я все равно ни черта не пойму!

– А я вам буду переводить!

В результате они заказали какие-то салаты, свиное жаркое и, разумеется, еще вина. Все оказалось вкусно, как-то по-домашнему и без затей, именно то, что любил Федор.

– Вам нравится, Мака?

– Супер! Но я уже пьяная!

Ничего ты не пьяная, как можно опьянеть от этой яблочной прелести? Ты просто влюблена, девочка, полна каких-то своих девичьих ожиданий, думал он, глядя на Маку. Ему уже не хотелось придумывать ей другое имя, он как-то с ним свыкся, оно уже казалось милым, детским, и вообще она чем-то напоминала ему любимую пятилетнюю племянницу Шурку, такая же пухленькая, вся словно в детских перевязочках… И едва он вспомнил Шурку, как утратил к Маке сексуальный интерес. Она милая, неглупая, но еще совсем девчонка, что она знает о жизни? Хотя зачем мне ее знания, я и сам многое в этой жизни знаю, а она чистый лист… Чистый лист должен привлекать писателя, странно, никогда в жизни до тех пор, пока я не начал писать, чистый лист меня не привлекал. А теперь все изменилось. Значит, и Мака должна меня привлекать… Она такая хорошенькая, и грудь так аппетитно колышется под зеленой кофточкой.

– Федор Васильевич, о чем вы задумались?

– О тебе, Мака! Ох, простите, я…

– Нет, ничего, можете говорить мне «ты», если вам так проще… Федор Васильевич, расскажите о себе!

– О себе? Что же тебе рассказать?

– А что хотите, мне все про вас интересно! Говорят, у вас очень романтическая биография.

– Кто же это говорит?

– Я не помню… Или я где-то читала…

Она хорошая, без затей, ничего из себя не строит, не притворяется и кокетничает так наивно, вся как на ладони, протяни руку и бери. Это как-то озонирует душу… Вот и хорошо, пусть будет, но спать с ней не надо. Пока, во всяком случае. Да и как это осуществить? Она тут, я в Висбадене, будь он неладен. Везти ее туда, в эту келью? Идти к ней? Снять номер во время ярмарки, по-видимому, нереально, да и зачем? Отложим до Москвы. Да, друг Федор, старый ты стал! Раньше такая чепуха тебя не могла бы остановить, раньше ты уж изыскал бы возможность трахнуть эту девочку, не думая об удобствах. Так то раньше…

Как странно он на меня смотрит, как будто прикидывает что-то, думала Мака.

Но тут кельнер принес по третьему стакану вина.

– Ой, я, наверное, не выпью столько! – засмеялась Мака.

– Ну немножко-то можно, а допивать совсем не обязательно.

Они сидели друг против друга на краю длинного стола, и через некоторое время к ним подсели четыре женщины. Немолодые, ничем не интересные немки.

– Федор Васильевич, – набралась храбрости Мака, – у меня тут ваша книга, вы не могли бы мне что-то написать?

– С удовольствием! – И, ни на секунду не задумавшись, он написал: «Прелестной Маке от одурманенного ею и яблочным вином автора».

Ах, как она обрадовалась, как залилась краской, покраснела даже ложбинка между грудями, под невесть как расстегнувшейся пуговкой. Нет, в Москве я ее точно трахну, а там, может, и женюсь…

– Мака, а что ты закончила? – сам не зная зачем, спросил он.

– Филфак, романо-германское.

– И что ты вообще делаешь в неярмарочное время?

– Работаю редактором в «Фатуме».

– Тебе твоя работа нравится?

– Очень.

– А замуж не хочешь?

– Замуж? – У девочки побелели губы и краска стала медленно сползать с лица.

– Ты была замужем?

– Нет, что вы… – испуганно пробормотала она.

– А выходи за меня замуж!

– Это вы так шутите? – справилась с испугом Мака.

– Нисколько! Я, конечно, староват для тебя, но… Чем черт не шутит. Может, мне именно это и нужно, твоя молодость, красота… Мы совсем незнакомы, но ведь тем лучше, будем что-то открывать друг в друге… У меня хороший характер, я нетребовательный… У нас может быть масса общих интересов, в конце концов, мы занимаемся практически одним делом…

В этот момент он словно видел и слышал себя со стороны, но не слишком удивлялся своим речам, ему вдруг показалось, что брак с этой девочкой –

спасение для него, хотя не очень ясно от чего, собственно, надо его спасать…

– Федор Васильевич, вы, может быть, выпили слишком много вина? – осмелилась предположить Мака.

– Думаешь, такой бугай, как я, настолько опьянел от трех стаканов фруктового пойла? Нет, просто… Знаешь, я позавчера нашел в гостинице на лестнице сережку… Где она у меня, ага, вот… – Он достал сережку из кармана, но держал ее зажатой в руке. – Так вот, я нашел сережку и стал воображать, кто ее потерял, как выглядела эта женщина, и представил себе, что она такая, как ты… Молоденькая, пухленькая, рыженькая – словом, прелестная, и вдруг в тот же день увидел тебя наяву… Это, знаешь ли, производит впечатление. Это было как… как…

– Как воплощение мечты? – рискнула подсказать Мака.

– Вот именно! Умница! Так что, пойдешь замуж?

– Да! Да! – восторженно воскликнула Мака. Господи, не может быть… Все подружки просто ошизеют, а мама… Наверное, мама обрадуется, ей нравятся его книжки, да и вообще, зять – известный писатель…

– Мака, хочешь еще чего-нибудь?

– Нет, спасибо… Я…

– Ты не бойся, я не передумаю… Ты мне нужна, Мака!

– И вы мне… Я с первого взгляда… поняла… что-то будет… Но так быстро…

– Тебя это пугает?

– Нет!

– Молодец, храбрая девочка!

Она восторженно улыбнулась. И зазывно, ах как зазывно!

– Может, пойдем отсюда, а? Тут эти тетки галдят… Знаешь, я непременно напишу рассказ «Вино из яблок». Ты скажи кельнеру, чтобы принес счет.

– Федор Васильевич, покажите сережку.

– Ах да, – он разжал руку. – Вот, гляди…

– Ой, это же Ангелинина сережка!

– Ангелинина? С чего ты взяла?

– У нее точно такие же… Завтра спрошу, она не говорила, что потеряла.

– Но что она делала в висбаденской гостинице?

– Ну мало ли к кому она могла приехать… Но, конечно, может, это и не ее. Чешские гранаты не такая уж редкость.

– В самом деле, спроси. На вот, возьми, если не ее, вернешь мне, я отдам портье.

Мака сунула сережку в сумочку. Тем временем кельнер принес счет, Федор Васильевич расплатился. Нежадный, подумала Мака, прикинув, сколько он дал на чай. Она все боялась поверить своему счастью, хотя вообще-то была достаточно самоуверенной девушкой. Но тут и вправду принц из сказки. Хотя авторы для редакторов редко бывают принцами, но он ведь не их автор… У них живых авторов вообще раз-два и обчелся.

– Знаешь, постой-ка тут минутку!

Он нырнул за занавеску у выхода. А она стояла во дворике, где одуряюще пахло прелыми яблоками. Ага, вон их целая куча лежит. Выходит, это вино прямо тут делают, что ли? Неужели сейчас появится мой будущий муж? Господи, как это все будет? И надо ли кому-нибудь говорить об этом? Нет, буду молчать как партизан на допросе, чтобы не сглазить. Но ведь чудеса все-таки случаются, вон Натэлла с нашего курса вышла замуж за знаменитого канадского хоккеиста.

Приехала в Канаду на неделю к подруге и вернулась оттуда уже невестой. А какая у них была свадьба! А у нас свадьбы не будет, скорее всего. А хочется… белое платье, цветы в волосах… мне пойдет. Но он наверняка не захочет или согласится только ради меня… А это не нужно… Господи, да о чем это я? Он небось сейчас пописает и забудет о своем предложении как о смерти… Ясно, что спьяну сболтнул…

– Ну что, невеста, заждалась?

Она опять вспыхнула.

– А тебе никуда забежать не надо, а? Ты не стесняйся!

– Нет, спасибо, я бы не стала стесняться.

– Ох, умница! Вот что значит разница поколений. В мое время девушки стеснялись. Ты, кстати, знаешь, сколько мне лет?

– Конечно!

– И тебя это не пугает?

– Нисколечко.

– Мака, дай я тебя поцелую.

И он стал целовать ее, благо уже стемнело. А потом во дворике появилась шумная компания и спугнула их. И они пошли по вечерним улицам, взявшись за руки и болтая о какой-то чепухе.

– А мы не заблудимся?

– Федор Васильевич, я же могу всегда спросить дорогу.

– Нет, по этой улице мы не пойдем, она мне не нравится…

Так они и шли – по тем улицам, которые нравились ему. Иногда останавливались и целовались, самозабвенно и весело. Хохотали, сами не понимая над чем. Ему было хорошо и немного страшновато от ее молодости. Но он и сам молодел рядом с нею. Наконец они вышли к реке, в воде отражались фонари. Они остановились на мосту.

– Знаешь, я ужасно люблю воду. Любую. Могу часами смотреть на реку, а уж на море тем более. Завораживает, и так хорошо думается… Но рядом с тобой думается только об одном, – вдруг охрип он. – Ты прости, я…

– Я все понимаю, – тихо сказала она.

– Но мы не будем спешить, да?

– Конечно. Если вы не передумаете… – голос у нее сорвался, – то…

– Что?

– То приходите ко мне в Москве, у меня двухкомнатная квартира, я живу одна.

– Мака, ты… Знаешь, мне сначала не нравилось имя Мака, а сейчас ужасно нравится. Оно такое же милое, как ты, оно тебе идет. Я напишу про нас повесть или рассказ и назову…

– Вы уже говорили, «Вино из яблок» да?

– Нет, «Вино из яблок и воды Майна».

– Красиво. И о чем он будет?

– Я же сказал – о нас, о девочке, в которую вдруг влюбился немолодой мужик и сделал ей предложение, а она боится, что это спьяну, потому что тоже влюбилась в него… Ты же влюбилась в меня?

– Да.

– И боишься, что я сделал тебе предложение спьяну?

– Боюсь, – тихо ответила Мака.

– Напрасно.

Он вдруг вытащил из кармана мобильный телефон:

– Сейчас еще не поздно звонить твоей маме?

– Маме? Зачем? – перепугалась Мака.

– Чтобы попросить у нее твоей руки. Говори номер!

– Мама, наверное, уже спит.

– Ничего, разбудим ради такого дела!

– А давайте позвоним утром…

– Боишься, что я к утру передумаю и только зря переполошу твою маму? Почему ты такая недоверчивая?

Он вдруг расхохотался.

Ее бросило в жар. Что это с ним?

– Я понял, я все понял… Знаешь, у нас в гостинице живет одна тетка, пишет какие-то дамские романы, я на стенде видел, один ее роман называется «Все мужики козлы»! Ты тоже так считаешь?

Она засмеялась. Но ничего не ответила, видимо, была согласна с дамской писательницей.

Его это умилило. Его сейчас все умиляло.

– Я, вероятно, тоже все-таки не подарок, но поверь, я никогда вот так, с ходу, с первого взгляда… правда, Мака, ты мне нужна. Пока тебя не встретил, не знал, чего хочу, а вот увидел и понял… Ну что, звоним маме?

– Наверное… Да! Да!

Он опять умилился.

– Мама, это я! Мамочка, я так тут счастлива! Да, да! Мама, погоди, с тобой хочет поговорить один человек, помнишь, ты читала «Медленно, но верно»? Это Федор Васильевич Головин, да, и он хочет тебе что-то сказать!

– Добрый вечер, Мария Дмитриевна, это Головин.

– Добрый вечер. – В красивом, чуть хрипловатом голосе мамы звучало недоумение.

– Мария Дмитриевна, я… Я прошу у вас руки вашей дочери. Вам это может показаться чересчур скоропалительным решением, но… Так иногда бывает в жизни… Увидели друг друга, и все.

– Вы пьяны, молодой человек?

– О нет, все не так, Мария Дмитриевна. Я не пьян, всего несколько стаканчиков натурального яблочного вина, и я уже немолодой человек… Мне сорок четыре, но тем не менее я влюблен как бобик! И прошу вас…

– Послушайте, вы, немолодой человек, мне плевать, сколько и чего вы там выпили, но по телефону такие дела не делаются. Вот вернетесь в Москву, приходите, познакомимся и поговорим. Передайте-ка трубку Маке, и всего наилучшего.

– Мама, мамочка, я такая счастливая, да, ладно, пусть так, но ты подготовь папу и бабушку, пожалуйста! Мама, он такой хороший! – совершенно по-детски воскликнула она. А он снова умилился. Он понял, что Мария Дмитриевна хотела сперва наговорить ему гадостей, но потом, видимо, сменила гнев на милость. Боится, что Мака уже засиделась в девках? Теща – это момент существенный. Но

нам, слава тебе господи, не придется жить с ней под одной крышей, и у меня хватит ума и такта, чтобы наладить с ней нормальные отношения. По крайней мере, я надеюсь на это.

Мака протягивала ему телефон:

– Федор Васильевич…

– Что это еще за Федор Васильевич? Я же твой жених, зови меня просто Федей или, на худой конец, Федором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ekaterina-vilmont/zdravstvuy-gruzd

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити